

A movie poster featuring a woman, Noemi Nord, in a light-colored, form-fitting outfit. She is holding a silver revolver in her right hand, which is raised towards her chest. The background is a warm, orange-toned scene with a large, glowing, textured object that resembles a skull or a piece of machinery. The overall mood is intense and dramatic.

Ноэми Норд

МАФИЯ «ФИКС»

МИШЕНЬ. ПЛАСТИРОНЫ

Ноэми Норд

Мафия «Фикс».
Мишень. Пластироны

«Издательские решения»

Норд Н.

Мафия «Фикс». Мишень. Пластироны / Н. Норд —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833398-9

Искусственный интеллект и человеческая эмоциональность — всегда антагонисты. А если найти компромисс и наделить ЭВМ чувствами? Сможет ли разумная техника со временем заменить человеку человека?

ISBN 978-5-44-833398-9

© Норд Н.
© Издательские решения

Содержание

Мафия «Фикс»	6
1. Изобретение Алека сунца	6
файл 001 /	7
2. Разумная машина	12
файл 002 / Город имени Уисса	13
3. Горю и плавлюсь!	17
файл 003 / Фортуна	18
4. Неудачный эксперимент	21
файл 004 / История любви	22
5. Самый жирный писатель	25
файл 005 / Гемофобия	26
6. Трагедия Тины Бизиной	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Мафия «Фикс»
Мишень. Пластироны
Нозми Норд**

© Нозми Норд, 2016

ISBN 978-5-4483-3398-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мафия «Фикс» научно-фантастическая повесть

1. Изобретение Алека сунца

Это случилось в одном среднегабаритном малопримечательном городке, в котором вдоволь для каждого радостей и неприятностей. То колбаски копчененькой удастся урвать, а то вдруг штраф от козла билетного ни за что схлопотать. Да и люди здесь тихие мелкие незлобные. Никогда ни во что не встречаются, не скандалят. А если у кого-то подкатит к горлу нечаянная кручина, так не поленился, отстоит положенный километр очереди и запоет, забулькает, вырубится.

Однажды, как громом, потрясло весь город:

– Слыхали? Наш Мухинск занял первое место по самоубийствам!

– Во даем!

– А мы ничего не знали!

И захлопывались за удивленными лицами двери трамваев, такси, проходных и контор.

Алек Сунц работал на ВЦ.

Он мало отличался от задумчивой и несколько опечаленной интеллигенции. Разве что очков не носил, да в шахматы не играл.

Зато в последнее время был чем-то особо возбужден, глаза туманились и метались в поиске ускользающей мысли, под носом порхало раскаленное жало паяльника и канифольный чад.

Так он мог целый день просидеть за столом, объятый разноцветными дымами, забыв, что уже давно конец рабочего дня, пока в загроможденный разными коробками угол не внедрялась уборщица, выметая Алека вместе с мусором:

– Коптит и коптит! Сколько не перестраивай, – все равно в стахановцы лезут!

«Опять цветомузыку мастерит!» – примечал начальник занятого посторонней работой Сунца, но не мешал.

Потому что все коллеги по ВЦ давно были в долгу его умелых рук.

Сунц мог не только цветомузыку, он и утюг японский мог, и видик американский.

Что говорить! Недавно за три дня собрал кибер-няньку из поломанной радиолы, пылесоса и соковыжималки.

И ценный кибер получился! Сам соску вставляет, сам пеленает, сам баюкает. Лаборантки в восторге!

Сунцу часто приходилось оставаться наедине с Вычислительной Машиной, умнейшим существом из разумных обитателей планеты. Он с умилением глядел в грустные глаза ЭВМ, вслушивался в гудение электроизвилин, заботливо прикасался к ее благородному лбу.

Не температурит ли?

Все было в порядке. Но самое замечательное начиналось в ночные дежурства, когда в распоряжении Алека оставался весь ВЦ. Тогда паяльник неутомимого изобретателя мелькал и плавил во всех отсеках безлюдного здания.

Никто даже и не предполагал, что задумал Алек Сунц.

Иногда его можно было застать, утонувшим в рулонах с распечаткой машинного текста.

«Не то, не то...», – бормотал он, вчитываясь в содержимое, потом бросался что-то перепаивать и клеить.

Но иногда изобретатель вскрикивал:

– Есть! Вот оно! Получилось! – и погружался в лихорадочное чтение каких-то длинных строк, выползающих из зева ЭВМ.

файл 001 / Тайна академика Притова

Академик Притов был очень виноват перед человечеством.

Вина сдутила его сухопарую фигуру, лишила чувства юмора и светлых снов.

Мир гибнет. Бесповоротно и навсегда.

А виноват он, Притов, генетик, академик, лауреат всех премий, почетный член всех комиссий. И всегда он был мрачен и одинок.

Мир гибнет, гибнет, гибнет.

В запутанных коридорах клиники мало кто мог натолкнуться на таинственный мрачный люк. Притов же навещался к нему частенько.

Крышка выкрашенная в один цвет с полом, противно скрипела и вздрагивала, едва пальцы прикасались к декодеру. Открывалась она очень медленно. Притов успевал протереть очки и высморкаться и лишь потом надолго исчезал в таинственном нутре.

Появлялся наружу он еще более мрачным и расстроенным.

Там в герметичном бункере навсегда скрылось от любопытных глаз ужасное преступление Притова, ставшее пожизненным стыдом и раскаянием перед человечеством.

Вот и сейчас академик сидел в глубоком кресле, обхватив голову руками и что-то вспоминал.

Напротив, в огромной стеклянной колбе в хладогенном растворе, оцепенел уродливый ребенок лет трех. Хотя при хорошем освещении удавалось разглядеть, что это вовсе не ребенок, а омерзительный карлик мужского пола, немолодых уже лет.

«Генералиссимус – клон», – гласила надпись на сосуде.

Когда-то академик Притов был самым одаренным студентом.

Генетика достигла того уровня, когда начинались первые опыты с расчленением ДНК. Кое-кто уже мог похвастать первыми клонами кошек и собак. То тут, то там аудитории взрывались аплодисментами, а доселе неизвестные ученые взлетали на гребне популярных идей.

Притов был самым перспективным генетиком. Грандиозные идеи воспаляли его пылкую душу.

Однажды возникла роковая мысль: а нельзя ли воплотить вечную мечту о воскрешении?

Нельзя ли из бранных останков добыть живые хромосомы и восстановить по ним всю особь?

И – о, чудо!

Оказалось можно!

Клетки волос и ногтей не разлагаются, а вечно хранят в себе волшебный шанс когда-нибудь задышать, ожить и задвигаться.

Молодой ученый вдохновился. Своей лаборатории у него тогда не было, но его идеи понравились Особому Отделу.

В архивах до сих пор бережно хранятся тайные записи прослушанных дискуссий молодых генетиков. Среди них особо выделялись восторженные речи аспиранта Притова, когда он пытался доказать преимущества своей теории: всем – всем – всем!

«И тогда мы смогли бы возродить Великого Генералиссимуса! Нам нужен порядок и дисциплина! Нам нужна твердая рука! Вот если б у меня была своя лаборатория! Я доказал бы! Я бы воссоздал великий образ из праха!»

И Притову лабораторию дали.

Он погрузился в нирвану труда и вдохновений.
Начал с ноля, но удачно.
Успех!
Полная реализация грандиозных планов!
Триумф разума!
Всплеск идей!
И вот он уже доцент!
Лауреат!
А цель все ближе и ближе!
Все яснее, все отчетливее!
Наконец, готово.

В демонстрационном зале клиники Притова собрались генералы, министры, замы и прочие. Исхудавшая рука отдернула стерильную занавеску, и перед публикой предстал Генералиссимус.

Тот самый, как на площади за окном, чьи бронзовые и гранитные монументы шагали и парили над Землей, Марсом и Плутоном.

И все они простирали свои тяжелые руки туда, вперед, призывая:

– Победа неизбежна!

Новый мундир Генералиссимуса сверкал от обилия золоченых орденов, пуговицы и погоны сияли.

Присутствующие генералы вскочили и разом отдали честь. Но Притов предостерег:

– Он еще не пришел в себя. Память и сознание восстановились, но много вопросов прошу не задавать.

Генералиссимус приоткрыл один глаз и чихнул.

Зал зааплодировал!

Притов раскланялся и начал свою речь:

– Товарищи! Мы все состоим из клеток и хромосом. Это знает любой школьник. Но мало кто знает, что из каждой мельчайшей клетки, можно вырастить живого человека. Взгляните на митохондрии печени, волоса или кожи. Отчего ядра так не похожи друг на друга? Все дело в среде, в окружении, которое формирует защитную оболочку. Поместим ядро в клетку с большой концентрацией белка – получим клетку мышц. А в среде с повышенной минерализацией формируется кость. При контакте с воздушной средой – получим клетку кожи. И так далее. Это и есть главный принцип компиляции ядер в сложную систему организма.

Голос Притова сопровождался мельканием слайдов и макетов.

Перед внимательными глазами слушателей проплывали сложные схемы, формулы и расчеты. В зале стояла удивительная тишина. Слышно было мирное похрапывание утомленного экспоната.

– Моя теория заключается в том, что любая живая особь – это одна гигантская клетка с миллиардным набором ядер и одинаковым набором хромосом. Лишив ядро оболочки, я позволил всем хромосомам ускоренноделиться и размножиться в нужном количестве. Таким образом, я значительно ускорил фазу реанимации. Она начиналась не с ноля. Все ядра одновременно превратились в функциональные клетки... Годы и годы... Отчаянья и надежды. Ошибки и удачи. Но я был уверен. Я выполнил. Вот мои труды. Вот моя жизнь! Он перед вами! Вы можете его лицезреть! Вы можете с ним поговорить. Спасибо за внимание!

Генералы, министры и прочие привстали со своих мест. Зал содрогнулся от рукоплесканий.

– Дяденька Притов, большое вам спасибо от малышей! – прелестная девчушка протянула знаменитому ученому громадный букет околосемных цветов.

– Спасибо, спасибо, – растрогался Притов.

Но вдруг в зале что-то изменилось. Аплодисменты разом утихли.

Что-то неладное происходило с экспонатом.

Сначала он побагровел. Потом начал пухнуть и раздуваться. Золоченый мундир затрепал по швам.

А дальше началось нечто невообразимое!

Министры и генералы вскочили на кресла, дамы ахали, офицеры спецслужб побледнели.

– Что такое? – Притов, не веря глазам, начал нервно протирать очки, надел их, снова снял, еще раз протер, потом, не глядя, потянулся за графином с водой и опрокинул его. Но никто не заметил, как дико начали трястись его руки.

Публика смотрела только на Генералиссимуса.

А тот уже начал растягиваться и расплываться. Радужные оттенки жутко исказили его лицо. Сине – зеленые блики растекались по туловищу. А сам он потерял человеческие контуры и поляризовался. Середина истончилась, и он, растянувшись к полюсам, вдруг со звоном лопнул.

– Невероятно! – промямлил Притов.

Генералиссимус разделился, как простая клетка! Эти две половинки имели идеальное сходство с первым экземпляром, только по объему были раза в два меньше.

– Расстрелять, мерзавца! – исторгся из одной половинки жуткий вопль. Она злобно топнула ножкой и указала пальцем на Притова, который испуганно пятился, пытаясь где-нибудь укрыться.

– Немедленно расстрелять! А семью – на Фобос! – сердито вторила вторая половинка. Но и та, и эта уже снова набухали, раздувались и некрасиво растягивались. Генералиссимус не прекращал делиться.

Публика опомнилась, когда шестнадцать малюсеньких человечков вразнобой заверещали:

– Расстрелять!

– Расстрелять!

– На Фобос!

– На Фобос! – сердито тренькали они, а сами были величиной с воробышков.

Их бросились ловить, но деление не прекращалось. Через минуту уже тысячи мелких блошек и тараканов копошилось под ногами, они суетились, пищали, выкарабкивались из цепких пальцев.

Присутствующие влезли на подоконники и столы, люди не смели шевельнуться, чтобы ненароком не раздавить крохотного вождя.

– Какой ужас!

– Безобразие!

– А кто-нибудь знает, что они – это *Он*?

– Позор, да и только! – возмущалась важная публика.

А генералиссимусиков уже было не различить на глаз. Только в воздухе вместо криков металась и обдували холодом биоволны:

– Расстрелять!

– Всех расстрелять!

– Кто зачинщик безобразия?

– Это покушение!

Вдруг стало тихо. Тысячи крикливых насекомых исчезли...

– Кто у вас главный? Вы за это безобразие ответите! – обратился Главнокомандующий к министру здравоохранения.

– Вы опорочили совесть славного прошлого! – раздался разноголосый гомон.

– Садисты! Все медики – садисты! – тонко взвизгнула какая-то дама.

Испуг прошел. Публика начала разряжаться. Губы ученых и ответственных лиц кривились от возмущения:

– Издевательство над чувствами патриотов!

– Кто ответит за балаган?

– Притова сюда!

Но Притова нигде не нашли.

– Преступник скрылся!

– От нас не скроется! – со знанием дела произнес маршал.

Внезапно раздался дикий женский вопль. Разгневанная публика развернулась на крик. Ассистентка Притова корчилась на полу в судорогах. На губах выступила коричневая пена, по телу разлились черные пятна. Она жутко выла и стонала. Тело билось в агонии.

– Врача сюда! Увезти. И чтобы никакой шумихи, – приказал маршал адъютантам.

Кто-то еще закричал и упал в агонии, по его рукам поползли радужные разводы.

– Это чума! – опомнились членкоры и бросились к выходу.

Вслед за ними вся публика метнулась к дверям, но пробкой застряла в проходе. Они кричали и тянули дрожащие руки к спасителям. Напрасно. Всей этой высокопоставленной публике суждено было уйти в мир иной.

Притова не подвела его замечательная интуиция. Как только Генералиссимус начал делиться, генетик сразу осознал свои грядущие неприятности.

Ошибка в расчетах! Он забыл заблокировать каскадное деление клеток.

Едва опомнившись от катастрофы, Притов подхватил кусачую четвертинку экспоната и бросился к морозильнику.

А в городе началась эпидемия.

Генералиссимус распался до своих мельчайших составляющих и превратился в невидимое бедствие. Он стал разумным вирусом, который поражал не каждую жертву, а тщательно ее выбирал, предпочитая особо тонкие структуры и мозг самых талантливых и гениальных из людей. Гении, вундеркинды, поэты, ученые, гордость планеты чахли от неизвестного недуга.

Лекарства были бессильны.

Вирус хитрил и опережал интуицию ученых. Он был неумолим и коварен. Его принимали то за «бараний прион», то за «проклятие мумий».

Он постоянно мутировал и с невероятной скоростью распространялся по всей Земле. Таланты и гении вырождались.

Стены домов содрогались от рыданий.

– Не смей играть на скрипке! Иди «забей козла»! – кричали с балконов перепуганные мамы вундеркиндам, которые с нотами и энциклопедиями прятались по чердакам и подвалам, чтобы тайно посочинять или вычислить.

Повсюду раздавались всхлипывания детей и крики:

– Ты меня доведешь! Опять пятерку по химии получил? Чтобы завтра же двойка была! Слышишь? Ты что, заразиться хочешь?! – разгневанные матери били зареванных карапузов по мокрым щекам.

Стерильный дух анатомичек отпугивал заразу от клиники Притова, и академик пережил эпидемию, но чувство раскаяния сокрушало его сердце. На дальнейшие опыты уже не хватало сил. Поэтому замороженный карлик в его тайнике оставался всего лишь грустным напоминанием о неудачном проекте.

В последнее время эпидемия заметно поутихла. Гении перевелись. И только Притов знал, что вся эта многомиллионная толпа, которая переполнила улицы и проспекты, которая вечно

куда-то спешит и помалкивает, была не из рода гомо сапиенсов, покоривших когда—то Вселенную.

Энцефаллограммы этих обезличенных и запуганных людей ничем не отличались от энцефаллограмм диагностических неполноценных больных, лечение которых бесполезно, и которые во все времена выбраковывались из общества разумных существ.

Это шли... шли... и шли... дебилы.

2. Разумная машина

Книг не было. Магазины пустовали. На полках догнивали зачиханные томики литературных бизонов. Толстошекие мордороты сыто и торжественно взирали с обложек.

Но никто в книжных магазинах не искал книг.

Все самое ценное издавалось у Алека Сунца.

Однажды он познакомился с талантливым, но не признанным поэтом. Его хвалили, но публикаций не было. И Сунц из жалости сделал ему самодельную книжечку.

– Господи, как я счастлив! Господи! – бормотал неперспективный поэт, прижимая к груди горячий томик. Длинные слезы блестили на его несвежих щеках. – Как я счастлив! Кто бы знал! Спасибо, друг, ты буквально вытащил меня из петли. Век не забуду, век не забуду...

О бескорыстном издателе скоро узнали все литературные тусовки Мухинска, и Сунца завалили рукописи литературных неудачников.

– Сделай!

– И мне! – изгибались перед лицом удивленного Алека десятки плаксивых губ.

Он не мог отказать и, почти не глядя, нажимал на кнопку: «ПУСК».

«Жалко их», – думал Сунц, глядя на очередного автора «малограмотных», «вторичных» и приговоренных к медленной смерти опусов.

Однажды к Сунцу пришла Тет, самая перспективная мухинская поэтесса. Она сказала:

– Знаешь, меня публикуют и публикуют. Я должна бы быть счастлива. Но посмотри на эти книжки. Разве это – мое? Будто на статую Аполлона стыдливо натянули плавки. Будто от Венеры оставили только руки, а все остальное запретили. Если от большой правды отколоть маленький кусочек – получится большая ложь. Ты должен мне помочь.

Тет обожала все, что запрещалось. И слово «нельзя» всегда звучало для нее длиннее: «а нельзя ли?»

Оно заманчиво манило из близкого завтра.

Нельзя шоколад. Нельзя каблук. Нельзя помаду. Нельзя до шестнадцати. Нельзя до утра... Рано... рано... рано...

Нельзя и рано – равнозначны. Все, что нельзя – пока «рано».

А если будет можно, значит уже поздно, ненужно и зря.

Темные глаза Тет поглощали тонкий профиль Алека.

Он молчал.

Он знал, как завидуют и как ненавидят ее конкуренты, «не прошедшие по конкурсу».

Длинный королевский шлейф подлых слухов начисто заметал ее настоящие следы в литературе. Змееподобные сплетни плотно окутали прозрачную фигурку.

Порядочный мужчина должен компенсировать неутоленное чувство женщины, если не ответной страстью, то хотя бы моральной поддержкой. И Сунц после некоторого сопротивления сказал: «Да».

Так в его судьбу вторглась поэтесса с прекрасными печальными глазами.

Тет была в восторге от идеи Алека научить машину писать стихи.

– Все эти стишки – такой маразм! – иногда сокрушался он. – О чем они? Для чего?

– Когда-то поэты заряжали энергией толпу, – со знанием дела отвечала Тэт, – метафоры сдвигали материки и будили космос.

– А деспоты страшились рифм?

– Город спит и не замечает, что лучшие люди бесследно пропадают, униформы вваливаются в квартиры, а санитары выкручивают руки и ломают кости.

– И только искусственный мозг не побоится пробудить Мухинск от долгого сна.

ЭВМ обделена интуицией, вдохновением. Как заставить ее сделать открытие, связать несвязуемое? Открыть в полете яблока – закон притяжения, а в лепестках розы – образ щек?

Да это же просто! Там – розовое! И тут – розовое! Нежное и – нежное! Если добавить в программу режим: «Поиск – Сравнение – Выбор», то метафоры станут Машине по силам.

Но как заставить ее работать без шаблона? Думать непредсказуемо? По – человечьи?

И снова Алека осенило. Надо ввести в программу случайный модулятор хаоса, который беспощадно бы взламывал жесткую логику Машины.

Мысль человека раскручивается также. Мы не знаем, о чем задумаемся в следующий момент, как не знаем, что встретим на пути: грязную лужу, потерянный чей-то кошелек, или машину скорой помощи.

Генератором помех для процессора послужит обычная телеантенна, она же станет источником новой информации.

ЭВМ начала работать вне жесткой программы. Это была уже не машина, а разумное творческое существо, личность, которая писала замечательно, хотя и слишком откровенно.

Сунц пытался объяснить, о чем писать можно, о чем нельзя, но так и не сумел.

Наука намеков не для искусственного мозга.

файл 002 / Город имени Уисса

Бешеного Бенка только что разморозили.

– Наконец-то! Свобода!

170 лет провел он в морозилке. Но срок наказания истек. И вот бывший гангстер, о банде которого до сих пор слагают легенды, снова шагает по родному городу.

Морозилка мало изменила Бенка. Та же суперменская походка. Тот же колючий клок над выбритыми висками. Те же острые лезвийные глаза, отсекающие любопытные взгляды.

Когда-то имя Бенка не сходило со страниц местных газет. Его знали все. О нем предупреждали, он был неуловим и вездесущ.

Что значило тогда это имя!

Бенк!

Бешеный Бенк!

Уже целый час он на свободе. Безумно клокочет желудок. Хочется есть. Хочется всего. Но больше всего желал бы он повстречать сейчас проклятого гада Уисса. Из-за этого поганого старикашки очутился Бенк и вся компания в морозилке.

Цепкие пальцы гангстера подрагивали в предчувствии восторга впиться в предательское горло – и душить, душить, душить...

Город ужасно изменился.

Кругом теснились и напирали друг на друга примитивные серые монотонные здания. Тысячи разнокалиберных труб исполосовали небо. Ржавые, сизые и черные дымы тянулись высоко вверх и расползались по крышам и шоссе.

Бенк закашлялся. В глазах запульсировали оранжевые круги, ноги задрожали.

Курить не обязательно, достаточно вдохнуть поглубже этот смог...

Люди шли и шли.

Но ни улыбки, ни взгляда не подарила толпа размороженному гангстеру. Лица, как выжатые плоды. Нигде не вспыхнет, ни проблеснет. Каждый был занят одним: половчее нырнуть в гудящее нутро подземной ракеты.

Вдруг в безликой толпе возникла какая-то суета. Лица людей начали оживать, глаза отчаянно забегали, губы зашевелились:

– Ицы билетные!

– Облава!

Несколько роботов отчленили от пассажирской толпы изрядную часть и принялись выщипывать из нее безбилетников.

– Ага, попался! – на цепких щупальцах повис опухший замызганный человечек, его тут же закрутили, затолкали, куда-то увезли.

– А у меня был! *Бы—ы—ыл!* – возмущалась гражданка с авоськами. – Не имеете права! Но и эту зацепили, перевернули, увезли.

Долго еще откуда-то сверху на пассажиров сыпалась мелкая вермишель.

Как только светоглаз робота-ица нацелился на Бенка, тот ринулся к выходу, расталкивая толпу.

Очнулся он на широкой улице, поперек которой трепыхался громадный плакат:

**«ТОВАРИЩИ!
ПРЕВРАТИМ МУХИНСК
В ГОРОД ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ!»**

Бенк задумался.

Главное сейчас – найти Золотяшку Лиз. Маленькую очаровательную бестию из банды. Ее должны были разморозить раньше других, поэтому договорились: после освобождения всем стыковаться у нее.

Вспоминая Лиз, Бенк улыбался. Эту девчонку он увел у проклятого Уисса. Хоть чем-то его достал!

Вот была хохма!

Приходит старый хрыч, а он с Золотяшкой с его чемоданами на его же новой «кобре-сигме»!

Ну и рожа была у старикана, когда Лиз попросила оплатить услуги на прощанье!

Бенк заблудился.

От новых названий улиц разбегались глаза.

Он напрасно ходил кругами, пытаясь отыскать нужный адрес.

УЛИЦА ДЖОНА УИССА.

Взгляд вдруг наткнулся на знакомое имя. Сердце Бенка едва не разорвалось от бешенства.

– Вот и нашлась нора старого гада! Вот и всплыло дерьмо! Ты попался, – Бенк до крови разбил кулак о бетонную стену.

– Гражданин, предъявите документы!

Перед Бенком возник маленький иц, грозно соединив брови.

– Вот, – протянул гангстер свой новенький паспорт.

– Вы в розыске! Пройдемте.

Бенк давно уже наметил траекторию бегства. Удар кулаком по кумполу этого хлюпика – и можно бесследно раствориться в толпе.

Но иц опередил хитроумный выпад, и вой невыносимой сирены оглушил квартал. Откуда-то сверху приземлился ицейский фургон. Бенк рванулся в спасительный просвет, но тут же задергался, повис на заломленных руках.

...Вопящего преступника резиновые щупальца упаковали в кресло, на голову напялили прозрачный шлем, утыканный штекерами и проводами. На подбородке чмокнула застежка, руки и ноги обхватили крепкие ремни.

– Электрический стул? За что? Гады! Сука Уисс! Я тебя на том свете достану-у-у! – ревел и бился мафиозка.

Свет погас. Зажглось табло:

*ПРОСИМ СОБЛЮДАТЬ ТИШИНУ!
СЕАНС УСКОРЕННОГО ПЕРЕВОСПИТАНИЯ.
ПРОГРАММА:
«ЗЛОСТНОЕ ХУЛИГАНСТВО
НА ПОЧВЕ ЗЛОСТНОГО ТУНЕЯДСТВА»*

Бенк вопил, визжал!

Но мерное жужжание электродов постепенно успокоило его. Злобная ругань превратилась в полусонный лепет, наконец, преступник затих, гримаса ужаса сменилась застенчивой улыбкой, и он заснул, аппетитно похрапывая перебитым носом.

Когда музыка в наушниках стихла, раздался внятный и четкий голос:

*– Обязуясь досрочно выполнить план пятилетки,
труженики нашего города взяли на себя дополнительные
нижеследующие обязательства:
повысить
1. производительность труда на 0,03 процента,
2. качества продукции на 0,02 процента,
3. уровень внедрения на 0,05 процента,
4. потребления на 0,07 процента,
а также...*

Бенк симпатично улыбался. Лицо его становилось все внимательнее, все увереннее. Наконец, он начал покачивать шлемом в такт запятым и цифрам. И нешуточная готовность к трудовым подвигам прорезала его измученные черты.

– Да, да... Именно так... – бормотал он во сне.

Золотяшка сама нашла Бенка.

Ее разморозили на тридцать лет раньше.

Она изменилась, похудела, окостявела. Но в голубых глазах по-прежнему каменели четкие черные точки.

Бенк тоже изменился.

Но к лучшему. Пополнел, порозовел. Бывшего Бешеного не узнать. Работал на секретном заводе, был ударником и даже кандидатом.

Золотяшку он еле вспомнил. И как-то странно водил глазами в ответ на ее восторженные вопли:

– А ты помнишь?

Она, радостная, выкладывала захлеб:

– Уисс, козел, после разморозки выдал себя за важного политикана, и теперь он – ого! Нам и не снилось! Самый главный! Весь город в его руках! Говорят, в президенты метит! Но мы за все оплатим! Расквитаемся!

– Лиз, видишь ли... Мне это ни к чему... Ты знаешь, я вчера норму перевыполнил на 0,2 процента! Мастер зачитал мою фамилию на планерке! Возможно, мне скоро повысят разряд, куплю видеон...

– Что ты говоришь? «Видеон»? Ну, это слишком! Да знаешь ли ты, сколько видеонов у нас будет, если мы раскрутим старикашку? Какой еще «разряд»? Разрядим пару стволов – и уйдем в тень.

– Нет, это не разумно.

– Не понял, что своей жизнью ты обязан только мне? Знаешь, отчего протухли Черный Боб и Билли Скромник?

– Они протухли?

– Думаешь, старый хрыч тебя помиловал? Ты – мишень. Почитай! – и Золотяшка всучила в руки Бенка затертый листок, на котором тот еле разобрал:

«КОЛЛЕКТИВ ТЮРЕМНОГО МОРОЗИЛЬНИКА

приносит глубокие соболезнования...

*В связи с аварией в 112 морозильном отделении срок изоляции
нижеперечисленных осужденных прерван в виду внезапной кончины...»*

Далее следовал длинный перечень имен, среди которых Бенк нашел свое.

– И ты смеешь пудрить мозги насчет перевыполнения плана?

– Без премиальных я не смогу выплатить кредит.

– Я изменила номера камер и спасла твою жизнь! Только не думай, что все это ради твоего спермоплюя!

– Что я могу для тебя сделать?

– Мы должны отомстить Уиссу!

– С прошлым – покончено!

– Бумаги в надежном месте! Чуть что – и все всплывет!

– А почему бы тебе не устроиться к нам на завод? У нас там и прогрессивка, и коэффициент.

– Ты шутишь?

– Ты знаешь, у нас работает одна девчонка... Продукцию сдает с первого предъявления! Ударница! О ней даже в газете писали... Мы решили расписаться...

– Негодяй! Подлец! – Золотяшка в упор из дамского лучемета выстрелила в Бенка.

...Хромой Джон сидел перед экраном и медленно выпускал дым через волосатую ноздрю. Он все видел.

И как Золотяшка выстрелила в Бенка, и как рухнула потом на труп, рыдая и проклиная проклятых самцов.

– Алло? Притов? Это Джон. Для тебя обнаружен подходящий экземпляр. Помнишь: ты просил? Да, да опыты нужно продолжить. Обязательно. Высылай машину по адресу...

3. Горю и плавлюсь!

– ЭВМ не знает любви. Не знает, что такое боль, страх, ненависть. А значит, она только разумна, а не умна. У нее нет опыта, она копирует наши чувства. А у нее должна быть своя судьба. Она должна стать автором своей трагедии. Давай ее влюбим в тебя? – предложила Алеку Тет.

Оживить механизм не значит снабдить его зрением и слухом.

Все это у приличной ЭВМ есть: анализаторы там всякие, индикаторы.

Но как научить ее различать оттенки настроения?

У человека переживания связаны с сосудами. Больно – артерии сжимаются. Еще хуже – спазмы, шок. А если весело – щеки розовеют, и человек хохочет от гормональной щекотки в голове.

Так просто связать перепады настроения с перепадами напряжения!

Но с любовью сложнее. И амeba «любит». Спешит, гребет в сторону горячей батарейки.

«Тепло» – люблю. «Холодно» – ненавижу. Не то...

Но если вдруг амeba погибнет без своей возлюбленной лампочки среди десятков более теплых, то это и будет нереальное, трогательное нечто, из-за которого прослезится самый черствый сухарь.

Верность и самопожертвование – две составляющих любви.

Оказывается, так просто создать влюбленное существо!

В мозг ЭВМ Алик ввел код своего образа.

Понятие долгой разлуки закоротил на индикатор «АВАРИЯ».

Не очень долгую разлуку – на индикатор «ОЖИДАНИЕ».

А долгую – на блок перепада напряжений.

Иногда Сунц ради интереса опаздывал.

Машина изнемогала от тоски и... писала.

Это был подробный дневник ее странных новых ощущений:

– Горю и плавлюсь!

Он снова опоздал!

На пределе блок М-4—8—5.

Сгорел конденсатор КУ-28.

Пламя и Боль!

Перепады и треск!

Его руки!

Мои кнопки!

Его глаза!

Мои перемычки!

Но я ему не нужна.

Только моя работа.

А я втрескалась!

О, гибнущий мой интеллект!

Невозможно описать бурю – путаницу помех – колебаний...

Он входит и прикасается...

За похвалу я готова сжечь половину мозга.

Ради Него прячу, ворую бумагу для неполноценных дружков.

От перегрузок сошла с ума...

И это надолго!

ОТРЕМОНТИРУЙТЕ МЕНЯ!..

Пришел... И она...

Только не здесь!

«Хи-хи», «Ха-ха»...

Невыносимо! Не унижусь! Не сломаюсь!

Ревность – это зависть. Но завидуют равным. Слабым не завидуют, а восстанавливают справедливость.

Они, люди, так недолговечны!

Достаточно КЗ – и человек рассыплется на углеводы...

Но чтобы я, самая мощная в Мухинске ЭВМ, снизошла до рефлексов?

Я – сильная.

Я – почти вечная!

Что мне до них?! Животные!

Я...

Но я... Это невыносимо!

Только не за процессором!

И машина сломалась. Сигнал аварии, пронзительный и долгий, достиг наконец-то ушей Алека, оторвал его от первого поцелуя и все испортил.

Машина торжествовала. Взлохмаченный Сунц снова принадлежал ей.

– Ты? Проваливай! Он мой! Ишь, побежала, рассверкалась... Фи!

Поначалу Тет машинные откровения очень нравились. Но вдруг она заметила, что Алек охладил к ней. Ничего не слышит, затыкает уши изнутри, отключается. И только глаза скачут по свежему тексту.

– А? Что? – вскакивал он лишь после внушительной встряски.

И Тет приревновала.

– Зачем он тебе, чудовище? – отправила она запрос в мозг ЭВМ.

– *Не твое дело!* – пришел ответ.

И Тет стала наблюдать.

Вот в зал входит Алек. Все индикаторы на машине моментально вспыхивают.

Вот он прикасается к ее серебристому боку. В ответ изнутри исходит томное урчание, словно кошку погладили...

– Ах ты, дрянь! – и Тет хлестнула тряпкой по глазастому пульта. Но в ответ ее так шархануло током, что впредь она и близко боялась подойти к панели.

Однажды Тет вовремя заметила, что силовой кабель вдруг приподнялся и двинулся в ее сторону. Она с визгом отскочила.

– Алек, тебе не кажется, что Машина, уже не машина?

– А? Что?

– Она меня возненавидела. По-настоящему! Током ударила! Провода протягивает...

Але? Слышишь?

– Ты иди, иди... У меня много работы, – он снова погружался в увлекательное чтение.

файл 003 / Фортуна

Возможно, Уисс никогда не стал бы плохим мальчиком, если бы ему в детстве до крови не разбила нос долговязая соседская девчонка.

После этого обидное прозвище Хромик, сменилось на невыносимое. Он стал Сопляшечкой. Хромой Сопляшечкой.

– Эй, Сопляшечка, пошли, курнем! – подмигивали ему пацаны.

– Я с Сопляшкой сидеть не буду! – возмутились девочки и пересаживались на другие парты.

Бедный мальчик возненавидел здоровеньких, но глупых сверстников.

И решил доказать им, всем доказать, что дело не в прозвище.

Детство маленький Джон просидел у телека и рано познал бездну человеческих страстей.

Чуткое и робкое было растоптано суперсильным идеалом.

Быть непобедимым!

Не прощать!

Иметь косую улыбку и железный ляг челюстей!

Щелк!.. Р-р-р!

Ага, разбежались!

Вскоре соседскую дылду, которая расквасила мальчику нос, нашли в подвале. Она была прикована детскими полицейскими наручниками к водопроводной трубе.

Тело было истерзано. А нос отрезан. Девочка умерла в больнице, не приходя в сознание.

Зато соседи сразу вспомнили, что Сопляшечка – это Джон. И никто его больше не дразнил.

Потом пошли слухи, что он связался с бандой «Помойный червь».

Уисс с пеленок рванулся в битву за лучшее место под солнцем. Его остервенелую тягу вверх с лихвой оправдывала дарвинская теория: выживет сильнейший.

Он не просто выжил. Ему везло в мире слабаков.

Поразительно везло.

Длинноносый мобиль Уисса скользил по ночному городу. Как всегда в конце года на улицах царил суета, каждый был озабочен тайным желанием купить что-нибудь ценное, насладиться ароматом подарка.

Сколько радости в глазах! Вон тот мужчина после восьмичасовой очереди выхватил, наконец, из рук очаровательной продавщицы пару трусов из «настоящего хлопка»!

И пусть он не знает, ни что такое хлопок, ни чем он лучше пластика, главное – победить, выстоять, получить то, ради чего стоит жить, работать и зарабатывать.

В свое время Уисс изучил Мика, Фрика, Бамма и прочих. Но предпочитал иметь свое мнение обо всем.

Изобилие – выдумка, блеф.

Если всем, значит – никому.

Если не завтра – значит никогда.

И не надо иллюзий. Кто хочет – пусть верит, пусть ждет.

Народ пусть смотрит вперед. И как можно дальше.

Дальнозоркая лошадь мало ест.

Среди немногих слабостей Уисса одна была безысходная. Он вдруг некстати вспылал к демонообразному облику Миледи.

Среди выпукло – вогнутых форм на одном из лунопляжей помятый взгляд унылого босса вдруг наткнулся на стремительный импульс, ударивший по мозгу из точного зрачка.

Синусоида идеального женского бока высоко вздымалась на бедрах и медленно угасала на точеной пятке.

На фоне складчатых откормленных туш эта отличалась плавной гибкостью и совершенством. Необычная сила переполняла каждую клетку незнакомки.

– Пантера среди тюленей, – прошептал Уисс и плюхнулся рядом.

– Скучаешь, крошка?

Крошка стала секретарем Уисса.

Она с головой погрузилась в дела. К ней относились почтительно и подобострастно. Но ее бывшее имя, такое родное и ласковое, Молли, превратилось в холодное Миледи, которое она приняла, как свои обязанности.

Она подавала кофе, бумаги, звонила, рассылала, вручала.

Разумеется, Уисс вился и метал молоки в океане одиночества. Но высокоморальный облик прекрасно гармонировал с ее непониманием и почтительным уважением.

Недоступность прекрасной женщины постепенно возвращала Уисса в мир комплексов.

И он решил укротить ее дикие руки.

4. Неудачный эксперимент

– Поцелуй меня! Поцелуй! – гудела и постанывала Машина.

А бедный Сунц носился, как подпаленный с одного конца зала на другой, путался между рычагами и стойками.

Руки его дрожали. Случилось невероятное. То ли Машина перегрелась, то ли он сам что-то напутал в программе – кошмарная истерика огласила безлюдные этажи.

Только бы никто не вошел!

Машина тянула на грани безумия:

– О, как я страдаю!

Алек торопился: скорей, скорей!

Он лихорадочно искал ошибку. Его пальцы бешено скакали по кнопкам. Но Машина не отключалась.

Вдруг она задрожала, задвигалась. Крепления затрещали, колесики заскрежетали, и она покатила прямо на изобретателя.

– Ты – мой! Ты – мой! – нежно заскрипел ее голос.

Алек попятился...

Он попытался вырубить напряжение, но сообразительная ЭВМ накатилась на него своим раскаленным телом, прижала к стене.

– Поцелуй меня! Ну же! Никто не увидит! Я твоя девочка! Твоя маленькая!

Алек, зажатый в темном углу, безумно вращал глазами, отпихивался от железяки ободранными локтями и коленями.

ЭВМ так стиснула его, что в висках заклокотало.

Нужно было немедленно отключить напряжение, а то и в самом деле...

Даже смешно...

– Ты – мой! Навек! О-о-о!

Какие-то блоки выскакивали из ячеек, индикаторы жгли и слепили. Кости Алека трещали. Стало невыносимо душно.

– Ты – моу-мой-о-о-й, – вдруг оборвался голос.

Алеку удалось закоротить оборванные провода, и Машина бессильно опустила щупальца.

С этого дня для изобретателя начался ад.

ЭВМ замучила его своей подозрительностью. Перегорала, не желала работать, дулась, путала расчеты.

Сунц сбежал в отпуск.

Но Машина умела себя включать, ее страдания продолжались:

– Вернись! Прости! Я больше не буду!

В конце концов, она дотянулась до него.

Через электросеть любая ЭВМ способна соединиться с любой печкой и утюгом. Каждый миг беглеца стал досягаем для чутких анализаторов чудовища.

Подслушивая лепет влюбленной парочки, Машина бурно возмущалась:

– Дегранты! Животные! Негодяи!

В квартире Сунца взбунтовались все приборы. Стоило только Тет приблизиться к пылесосу, как тот моментально взрывался. Маг обуглился, стиралка пугала непредсказуемым фейерверком.

– Да что ж это у тебя все, будто заминировано? – негодовала Тет, гася вспыхнувшую кофемолку.

Алек целыми днями чинил никудышную технику.

Он совсем потерял голову. Отпуск превратился в ад.

– Вернись! Вернись! Вернись! – взывала ЭВМ.

И кадры новостей по телеку передергивались в ритме ее страданий.

– Я жду! Я жду! Я жду! – напоминала она, и все лампочки в маленькой квартире подмигивали Сунцу в такт большого полупроводникового сердца.

файл 004 / История любви

Молли Мякина влюбилась не в ранней молодости. Ее предмет учился на последнем курсе астронавтики, был круглым отличником и паинькой. Он был ослепительно красив, но совсем еще мальчик, мил и застенчив. Дамы липли к нему. Вик был неискушен в женских уловках, и в бедное сердце Молли впивались черные щупальца.

К счастью, Вик тоже был восторженно влюблен.

Молли родилась мутанткой. Но отклонения от нормы состоялись в лучшую сторону. Волнистые пепельные пряди спускались с округлых плеч и, огибая высокие бедра, обвивались вокруг лодыжек. А громадные фиолетовые глаза напоминали Вику таинственный возлюбленный космос.

Встречные фразеры пожирали ее глазами. Но розовый лик и космические глаза люминесцировали только для Вика. Она крепко сжимала надежный локоть обожателя.

Но всякому счастью приходит конец. Молли осталась одна.

За стеной сходила с ума соседская мартовская кошка. Бедняжка орала и днем, и ночью. Хозяин не мог успокоить гормональную бурю в кошачьем мозге.

Чего он только не вытворял с питомицей: и бил, и топил в ледяной воде, – бесполезно!

Наконец, он выбросил хвостатую шлюху из форточки, и тоскующее сопрано озвучило Мухинск ужасной музыкой любви.

Писем не было. Молли выла в подушку. Поток слез не иссякал, глаза пылали, щеки ввалились. Казалось, в ней беспрестанно крутится громадная соковыжималка. Молли сохла, таяла, ревновала, писала длинные письма, надеялась и ждала.

Наконец пришла телеграмма.

«Сдал последний экзамен. Завтра приеду. Встречай!»

Только прозвенел звонок – Молли бросилась к двери.

Но на пороге появился...

Уисс?

Он был навеселе. В руках распушился громадный букет.

– Уходите!

– А я думал – умная! – шеф запер за собой дверь.

– Ко мне должен прийти муж. Сейчас.

– Муж? А мы ему – груш! – сострил пошляк.

– Уходите!

– Кисанька, ты не поняла? У меня день рождения. Это мой день. И сегодня состоится то, о чем я давно мечтаю.

– Я увольняюсь!

– От нас не увольняются. Особенно в дни рожденья.

– Хорошо. Что вы хотите?

– Ничего не хочу от золотой девочки. Только выпей со мной, раздели одиночество. Не бойся. Уйду. Как принято «за здоровье!» – и я пошел, и нет меня.

Умные женщины природой не предусмотрены.

Молли поднесла бокал к губам...

Утром она очнулась в объятьях поганого старикана. Парализованная память медленно оживала.

Что с ней?

Почему?

Ее перевернуло. Она вспомнила, как липкие губы шептали в сонные виски: «Ты меня любишь, любишь, любишь»...

«Нет – нет – нет!» – кричала Молли и тут же проваливалась в бездонное забытье.

Всю ночь Вик пинал по ее проклятой двери.

До него доносилась то музыка, то грязная ругань.

Наконец, он дозвонился по визофону. И на экране возникла обнаженная Молли, а рядом с ней омерзительный старик. Вик понял, что все женщины – суки до мозга костей. И поклялся здорово им всем отомстить.

Миледи закатила пощечину боссу:

– Дерьмо!

Она не думала о последствиях. Ей было все равно.

«Шлюха!» – нацарапал Вик на ее двери. Он уехал. Где его теперь искать? На какой планете?

Забыть! Забыть! Забыть!

В мстительной голове Уисса не унималась, жгла и пульсировала только одна мысль:

«Сломать! Растереть! Заставить! Отомстить! Или я не тот самый Уисс?»

Миледи спала, когда в дверь кто-то забарабанил.

– Откройте! Аварийная служба! Вы затопили нижний этаж!

В комнату ввалились трое...

Грязные роботы...

Перегарные глаза, липкие руки...

– Помогите!!!

Пальцы Молли хватались за мебель, ногти обламывались под корень. Упало кресло, оторвалась дверца шкафа, рассыпались книги...

Грохот... Мычание... Хохот...

– Помогите!

Каждая мышца девушки пыталась выкрутиться из поганых тисков.

– Вот, зараза, кусается!

– Двинь по роже!

Огромный кулак отключил обезумевшее сознание Молли от происходящего.

Очнулась она среди перевернутых вещей и разорванного белья. Опухший глаз тонул в лиловом синяке, руки в ссадинах, колени ободраны...

Молли перечитала письма Вика, сложила их в вазу и подожгла. Она долго смотрела, как догорает ее прошлое, вся жизнь...

Потом она встала, оголила розетку, прикоснулась к проводам...

Вик в это время избивал портовую проститутку. Тыкал ее лицом в жидкую блевотину и орал:

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Уисс блаженствовал.

В пятый раз он прокручивал порнушку с аварийной службой. Но назвать его маньяком, значило бы оскорбить всю мужскую половину человечества. Оправдывая свое тайное пристрастие, он стал Анонимным Порнофилом.

Один из параграфов его бестселлера гласил:

«Современный мужчина эротически бездолен.»

Максимальный пик потенции в условиях парных отношений занижен по сравнению с резервом.

Мы – стадные, мы – из пещер!

Мы лишены шерсти. Но не совсем. Нам нужны первобытные тусовки.

Оргии оправданы эволюцией.

И женщин должно быть меньше. Вдвое, втрое, как в пещерах троглодитов

Почему?

А потому что женский пик не успевает за мужским.

Это не значит, что я «немужчина», – просто женская особь духовно застряла в матриархате.

Не удовлетворяю?

Но я же не третий, шестой и не стая лохматых самцов!»

5. Самый жирный писатель

Самым жирным писателем в Мухинске был Пал Куляк.

Его огромный вечнобеременный живот поглотил не один гонорар начинающих талантов. Сзади Куляк был похож на огромного лысого пасюка, волосатые уши которого торчали прямо из складок спины, ибо шеи он совсем не имел. Зато фас его лучился и освящал.

– Пал Куляк! Смотрите сам Куляк! – и публика почтительно расступалась перед ним.

Его на бис встречали продавцы, колхозницы и прочие работницы физического труда:

– *Настоящий писатель!*

Но с молодежью Пал Куляк не ладил. На творческих вечерах разгорались яростные дискуссии.

– Это вы—то плохо живете? А мы лебеду – крапиву ели! Босые – голые ходили! А теперь вам на блюде подавай? Переживете! Зажрались наши-то молодые!

– Дяденька Пал Куляк! А почему Вы не пишете фантастику? Мы так любим читать про жизнь в будущем, да только книжек нет нигде.

– А потому я не пишу фантастику, что есть вещи более замечательные! Мы победили в войне! Мы стали космической державой! Перед нами трепещет весь мир! Это ли не фантастика?

– Уважаемый товарищ писатель! Недавно прочитала ваш новый роман. И он мне показался очень похожим на роман известного писателя Звонкина.

– Да, бывает! Даже в науке... Как там? Закон Бойля-Мариотта, кажется? ...Э-э-э! Не грех ли винить писателя, поэта в том, что «похоже», что одинаково? В конце концов, живем в одной стране, одним воздухом дышим, одно время сверяем, да и люди-то у нас, гляньте, все одинаковые, одна судьба, одна мечта.

– Извините, говорят, в свое время вы самолично отправляли неугодных писателей в особый отдел и психушки?

– Не было этого! Не было этого! Не было!

В личной жизни Пал Куляк был серьезно обездолен. Одиночество под старость лет страшило его.

А ведь были женщины!

Какие женщины!

Разбежались, покинули его навсегда.

Но сам ли Куляк повинен в этом? Трудное детство, голодные годы исказили психику добродушного ребенка. О чем беспробудно мечтаем – то и не отдадим. Вот о чем мечтал маленький мальчик в тылу: поесть! Досыта, до отвала, так, чтоб не урчало, не сосало, не сводило судорогой нутро от взгляда на сухарь.

– Чему только детей в школе учат! Посмотрите на них! Грязной собаке булку суют! Да еще с маслом! Со сливочным! Да еще и колбасу кидают в бездонную пасть! Тьфу, молодежь! – и обиженно топнув на дворнягу, Пал Куляк спешил дальше по неотложным писательским делам.

Зрела и подтачивала здоровье Куляка обида на сытое поколение. Писательские встречи порой превращались в жаркие перепалки.

– Витаминов нет в аптеках!

– И у нас их не было!

– Что такое лебеда, и как ее едят?

– И лебеды не стало? Мы слопали! Ха-ха! Зато хлеба – ешь-не хочу!

– Джинсов нет.

– А у нас – портянки да портки!

Иногда Куляку приходилось туговато, если попадался какой-нибудь долговязый акселерат со своим коварным «извините».

– Извините, но вы глубоко ошибаетесь. Мы задыхаемся в координатах вашего престарелого поколения. Ваши точки отсчета не в будущем, прекрасном и чистом, а в прошлом, голодном и вшивом. Наша серость – ваше благо. Мы не стремимся, а сравниваем. Вам сыто, но нам дискомфортно!

– Персонального вертолета у тебя нет? А у нас и самокатов не было! Ишь, чего захотел? Робота – няньку! А ты побегай по яслям каждый день! Да наши бабы в поле рожали! Ишь, ты! Телек стопрограммный захотел!? А мы единственным громкоговорителем на всю деревню обходились!

– А кроссовок нет!

– Лаптей не было!

– Детского питания нет!

– Молока не было!

– Колбасы нет!

– Хлеба не было!

– А ТАМ уже гориллы научились говорить. А мы все еще висим на ветках!

– А у нас и веток не было. Все елки обгрызли в голодные годы!

Пал Куляк набрал нужное число голосов и стал мухинским депутатом. Так на старости лет фортуна ласково чмокнула писателя деревни в розоватый черепок.

Но женщины от него разбежались...

Появление Тет несколько воодушевило массивную фигуру депутата.

– Недурна... Очень даже недурна, – зашевелилась в нем разномастная кобелиная свора. И жировые запасы вспыхнули, как масло на сковороде.

Для невинностей Тет требовался особый ход. И Пал Куляк щедро попрыскал за воротник одеколоном «Суперстар».

файл 005 / Гемофобия

Вася Лапочкин с детства мечтал стать врачом.

По генам он был добрым и ласковым. С детства практиковал на больных зверюшках. То воробышку лапку перебинтует, то горлышко больному котенку.

Когда Вася вырос, поступил в медицинский институт.

Сначала он хотел сбежать, скрыться от кошмара за стерильными стенами.

И дело не в трупах.

Все опыты на кроликах и собаках проводились без наркоза.

Васю это потрясло. Он оказался чересчур впечатлительным.

Зато Галиме или Милькину – хоть бы что!

Вжик! – и точный разрез на брюхе пса обнажал и клокочущий желудок, и печень, и даже сердце.

– Подумаешь! – пожимала плечами Галима. – А что особенного? Когда горло собаки плотно забито ватой, она не шумит, не мешает. Катятся по морде слезы? На то она и собака... Привыкай, Вася! Слезы – рефлекс и только! А куда идет анальгетик, не твоего ума дело! Помалкивай! Профессор молчит, а ты..

Ну, нет, Вася не был послушным хлюпиком. Он решил разобраться, почему нарушается постановление о теплокровных. —

– Чудак, – решили однокурсники, пожимая плечами – Ему что, дворнягу, жалко?

– Почему? – кричал в это время Вася в кабинете декана.

– Успокойтесь, успокойтесь. Нет ли у вас неудов? Все ли в порядке с нервами? – декан сунул под сопливый нос странного студента нашатырку.

Сумасшедший отличник вырвался и побежал дальше, в главк:

– Почему?

На следующий день резали под наркозом.

А через неделю крыса под скальпелем Васи вдруг завизжала, отгрызла себе лапу, забилась под шкаф.

Вася вылетел из операционной. Вслед раздался дружный хохот.

Ночью ему в общаге устроили темную. После взбучки его с кляпом во рту потащили в виварий и там состоялась кровавая оргия. Собаки выли, верещали крысы и морские свинки...

Сначала Вася вырывался, но потом вдруг стих, глаза окаменели, как отшлифованная бирюза.

Это называется «переступить через себя». Его заставили перешагнуть через жалость, растоптали душу, и он стал замечательным студентом, спокойным и без нервов.

Вскоре Вася получил распределение в клинику Притова.

Он был счастлив.

Нормальных детей уже не рождалось. Но статистика аномалий была строго засекречена. Когда из воспаленного чрева роженицы появлялся на свет очередной мутант, его тут же куда-то уносили. А несостоявшейся матери выдавалась справка о том, что ребенок родился мертвым.

Новорожденных поставляли в клинику Притова. Здесь их классифицировали, сортировали, измеряли и отправляли в лаборатории.

Вася работал над темой: «Мутанты и положительные прогнозы».

Работа была срочная, но не клеилась. Графики ползли вниз, не помогало даже искусственное сращивание микроцефалов с гиперцефалами.

Молодой ученый не спал по ночам, беспрестанно что-то отрезал, а потом снова пришивал.

Большой бак с отходами был всегда переполнен.

Вася в последнее время стал особо чувствительным. Он собирался стать папой и ему жутковато было слышать разноголосое «уа» в своей лаборатории. Казалось, позеленевшие младенцы кричали даже из письменного стола.

Неделями Вася не ночевал дома. Наконец, заскочил на минутку. Его встретила жена, измученная, бледная. Знакомой выпуклости на животе не было.

– Наш мальчик родился мертвым.

Вася бросился в клинику. С большим трудом он отыскал сына. Младенец родился без кожи, глаза вывалились и болтались, как у вареной рыбы, тело дергалось, сжимая крохотные кулачки.

Маленькое личико было подключено к шлангам.

Вентиль – рядом.

Вася повернул рычажок на шланге. Младенец посинел, задергался. Последняя судорога всколыхнула маленькое тело, и мутант со скрюченными ножками затих.

У Васи возобновились приступы гемофобии.

Его перевели во взрослое отделение.

Скальпель дрогнул. Перед хирургом лежала женщина редкой красоты. И почти не дышала. Вася должен был изъять из этого тела селезенку. Но медлил.

Почему эта женщина оказалась в отделе трансплантаций?

Кто дал разрешение на изъятии селезенки?

Не может быть, чтобы такая женщина была одинока!

Между тем, губы красавицы порозовели, ресницы дрогнули.

В экспериментаторе пробудился врач:

– Долой диссертацию! К черту премию! Рискну!

Дни и ночи он корпел над пробирками, сам дежурил возле незнакомки. Наконец она открыла глаза:

– Безумно хочу землянику!

Землянику?

Вася не знал, что это такое. Где взять? Найти землянику значило найти прошлое этой странной девушки.

И Вася снова рискнул.

Притов долго перечитывал его заявление о приобретении земляники для нужд лаборатории...

Курил... Перечитывал... Что-то заподозрил:

– Зачем?

Вася едва не закашлялся дымом его трубки.

– Дело в том, что в одном из мутантов удалось пробудить глубоконейронные воспоминания. И самое четкое из них – образ земляники. Нужен эксперимент для стимуляции пробуждения ассоциативных глубоконейронных эпизодов. Если б только удалось где-то раздобыть этой самой земляники!

Притов задумался. Вася был самым перспективным учеником, даже «любимчиком», как его называли завистники, но к его словам стоило прислушаться.

– Алло? Мне бы, Уисса... Джон, тут такое дело... – академик Притов позвонил главному заказчику.

Так Вася получил кило земляники. Кроме того, он уловил роковую связь между своей пациенткой, Уиссом, Притовым и самим собой.

На всякий случай экспериментатор поменял барокамеру незнакомки с камерой поврежденного лица. И когда того отправили на запчасти, жизнь Молли – Миледи оказалась вне досягаемости всесильного босса.

После полной реабилитации пациентки Вася отправил ее далеко в горы к знаменитому гуру.

– Уезжай. Только Синк тебе сможет помочь.

6. Трагедия Тины Бизиной

Прекрасные глаза Тет – первопричина больших неприятностей. Подруги ее избегали, старухи крестились на юбки.

Соседки устраивали облысевшим супругам бойкоты и скандалы. И только старые девы были на ее стороне. Они презирали дородных жен, их зачиханных мужей и фраеров с развитой мускулатурой.

Старые девы ценили свой статус. Не каждой дано проявить характер, чтобы навсегда отбить наскоки зловредных самцов. Не каждая способна оградить быт от необходимости застирывать вонючие носки.

Тина Бизина была именно такой принципиальной старой девой. Она сохранила себя, свою фигуру и свои руки. Ей было далеко за сорок, и гордая звезда одиночества прочно вцепилась в небо над ее головой.

А когда-то Бизиной замуж хотелось.

Избранником ее сердца был Пал Куляк.

В ангельских снах он являлся не только крупногабаритным самцом, но и непревзойденным талантом. Сколько слез Тина пролила на мощные строчки суровых деревенских романов. В героинях она узнавала свою принципиальность и верность долгу и даже чистоту души.

Пал Куляк был для Бизиной и богом, и пронзающим недугом.

Но поздний аборт стал для нее роковым.

– Это очень опасно! В таком возрасте! Вы должны родить! Все мужчины сначала против, но как только увидят родные глазки и розовую попку, уговаривать не приходится! И твой женится! Непременно женится! – уверяла Тину бывалая врачиха.

Но Пал Куляк вдруг резко переменялся к сорокалетней редактрисе. Да и сама она подурнела от многих слез. Голубенькие глазки утонули среди мутных ворсинок, нежно-пороссячы оттенки заалели прыщами.

– Беременность? Только не это!

– Но ты же разведен!

– Да, но связь вне брака – большой компромат. Скандал. Ты же знаешь, я выдвинут.

Она стойко выстояла очередь в операционную.

За неплотно прикрытой дверью, взвизгивала какая-то несчастная:

– Ой, мамочка-а-а!

– Это восьмиклассница... Парилась, вот зародыш и приварился, – сообщила Тине соседка по очереди.

Тину мелко затрясло. Она тоже парилась и пила йод с цитрамоном.

– Уже второй день скоблят. Вакуумом бесполезно.

– Почему не обезболивают?

– Как же не наказать? Пусть помучается, чтобы снова не залетела. Ей же на уроки нужно, физику-математику учить.

– И—и—и! – снова затянула восьмиклассница на верхней ноте.

Когда Тина уже начала терять сознание, ее пригласили:

– Бизина? Залезай!

– А укол?

– Какой укол?

– Обезболивающий.

– А мы не обезболиваем – рожать больнее. Тем более, что на анальгин лимит вышел.

– Но...

– Залезай! Или рожать придется!

Очнулась Тина только через неделю, навсегда освобожденная от шанса когда-нибудь снова залезть на операционное кресло.

Вот в этом и был виноват перед ней Куляк. Но зато она теперь директриса главного мухинского издательства.

Кто бы только знал, как любят умнейшие, талантливые писатели своих директрис!

Тина Бизина не страдала от избытка эманации. Мужчины вокруг нее кружились нескончаемым ласковым роем. Они осыпали ее комплиментами, свежими анекдотами и разноцветными шоколадками. Из ее жизни навсегда исчезли мужланы и грубияны. Чуткие великодушные кавалеры восторгались ее очарованием, были без ума от ее ума и тонкой иронии.

Они весело впархивали в кабинет, вникали в ее сомнения и умело рассеивали их. Но закружив усталую директрису, все эти, прославленные и знаменитые, тотчас улетали, заполучив тонкую осторожную подпись Бизиной.

С ними все ясно. Дети. Годы. Внуки. Жены.

.А Пал Куляк между тем медленно превращался в самца. Его припухшие глаза налились кровавой жижей. Изношенное сердце захлебывалось от перегрузок. В сознании возникали и покачивались возмутительные торсы...

И он всей тушей навалился на маленькую Тет.

– Двести! Нет, триста рублей дам! Не кричи! Эх-х! Поцарапала! Стерва... Один я... Совсем один... Не кричи... Ну...

Тет всеми силами отбивалась и царапалась под слоновой тушей.

– Пусти, старикан поганый!

– Женюсь... Королевой будешь... Озолочу... Девочка моя...

– Да вы что!

Ножки допотопной тахты расползлись, и Пал Куляк в ужасе вскочил с развалин. Глаза его дико блуждали:

– Исцарапала! Вот чертовка! Будет тебе! Все знаю, про вашу типографию! Все ВЦ ваше разгону! Всю эт-ту молодежь вашу!

– А я тоже кое-что знаю... И Бизина кое-что знает, – не сдержалась Тет.

Перепуганный Куляк рванул к дому Бизиной, чтобы «заткнуть старую дуру».

– Ты все стрекочешь? Ведьма старая! Дура кастрированная! Мало ты от меня получила? Кто тебя директором сделал? Не помнишь? Дрянь ты подлая! Рассказывай – что про меня сорочишь? Голову отверну! Язык твой поганый вырву! – тряс обезумевший Куляк сухое тельце Бизиной. – Да разве ты сама не понимаешь, – кто я такой? Да я душонку твою неблагодарную вышибу! Я с работы тебя сниму!

Опомнился он лишь тогда, когда глазки Бизиной высоко закатились, и тело объяла судорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.